

Я. П. де Бальмен

СНОВИДЕНИЕ

Ноябрь, 1834

Посвящается Этьену К...и

Боюсь, я был немного не в себе, когда мне приснился этот сон, который я видел наяву. Если бы это не было во времена, когда я не пил ничего крепче воды, я подумал бы, что был пьян в стельку.

Прошлой ночью я видел сон настолько странный, что не смог удержаться, чтобы не припомнить все обстоятельства. Это сновидение было очень длинным и продолжительным – у меня никогда в жизни такого не было, и, более того, мне бы никогда не хотелось увидеть его ни секунды снова. Страны для меня исчезли, мне показалось, что Россия присоединилась к Шотландии, суровые горы которой, казалось, окрашиваются и отсоединяются на мрачных грубых топографических планшетах на прозрачное голубое небо Украины.

–1–

Вечер был прекрасен. Заходящее солнце окрасило в настоящий пурпур церкви и колокольни города Т. – Генерального Штаба отряда кавалерии России. На севере виднелись отблески горных скал Шотландии. Несколько полупрозрачных, легких, воздушных облаков кружились в воздухе – менялся окрас отблесков вечера.

Бульвар был заполнен прогуливающимися людьми. Трубы полка уланов города Т. исполняли то военные марши, то легкие симфонии – это была музыка, какую редкий караульный полк мог бы похвастаться сыграть...

Бульвар заканчивался площадью с собором – огромным, прекрасным, остроконечным, в соответствии с новым вкусом – таким свежим, таким лёгким. Там же к нему примыкала большая поперечная аллея.

Другая аллея заканчивалась огромным и длинным зданием Генерального Штаба, в нижних этажах которого проходила тренировка караульного полка – это было похоже на подвал, углублённый на несколько футов в землю, выложенный грубым камнем, и даже в прекрасный солнечный полдень там царил грустный полумрак. Для того чтобы попасть на платформу, где шагал часовой, надо было подняться по семи или восьми ступеням. Одна из

прекраснейших аллей бульвара, очень чистая и абсолютно забытая, проходила перед этой платформой, от которой она была отделена массивной балюстрадой.

На один из столбов этой балюстрады опирался офицер караула, который, утомленный грустными сумерками подвала, вышел, чтобы насладиться восхитительным спектаклем, который даровало заходящее солнце и бульвар.

Это был высокий молодой человек с каштановыми волосами, большими голубыми глазами, наполненными смелостью и чувственностью. Лицо такое, которое я себе всегда представлял у Роберта Брюса в 20 лет. Он был в парадной форме, с саблей на боку, фуражкой на голове, шарфом и патронной сумкой.

Эта парадная форма, на которую так приятно было смотреть, как нельзя лучше подходила к его несчастному виду. Это был отпечаток его службы, и он даже не осмеливался смешаться с группой прогуливающихся людей – он должен был оставаться на своём посту и, как Тантал, наблюдать за удовольствием других, не смея принять в нём участие. Он видел, как товарищи кружатся вокруг красивых и грациозных дам, он слышал шёпот разговоров, но издалека.

И вдруг его глаза, которые только что блестели от нетерпения и озирали все вокруг, неподвижно застыли, как будто вся душа молодого человека перешла в его взгляд. Его зрачки зажглись и, казалось, метали молниями. О! если бы у взгляда была сила – город Т. оплакивал бы огромную потерю!

К молодому офицеру караульного полка вдоль аллеи приближалась группа женщин.

– Господин М., – заговорила самая молоденькая девушка лет восемнадцати, у неё была свежая белая кожа, она улыбалась, а её чёрные глаза были влажны, – не знаете ли вы, какой полк заступает сегодня в караул?

– Полк Б., мадмуазель, – ответил офицер. – Вчера был наш.

– А кто офицер караула? – снова спросила она, пристально глядя своими очаровательными глазами на караульный полк.

– Я вижу, что это Шотландец – принц без наследства, как мы его называем, – граф Б.

– Что значит принц без наследства? Извольте объяснить.

– Это смешное прозвище, которое ему дали офицеры полка Б., потому что он, насколько я понимаю, потомок старинного королевского рода Шотландии, предки которого были высланы за пределы родины по неизвестной мне причине. Но его насмешливое прозвище

распространилось, поскольку он изучает язык наших злых соседей горцев – гаэльский.

Этот Граф Б. настоящий шотландец. Он рыдает как ребенок, читая Вальтера Скотта, и что бы вы думали? «Роб-Роя» и «Уэверли», одним словом, только романы, где речь идет о горцах. Однако он родился здесь и не был в горах, какой бы ни была его позиция.

– Это особый случай. Он интересный, этот молодой человек. В его взгляде есть одновременно что-то жалостливое и дикое. Я была почти напугана, когда он на меня посмотрел на прошлом собрании.

– Возможно, мадмуазель, это был взгляд восхищения. А что бы вы сказали, если бы увидели его глаза, когда он в гневе?

– О! представляю, как это должно быть, у него такое странное лицо. Мне кажется, что в его душе находится целая поэма.

– Прочитайте эту поэму сейчас, пока мы находимся возле него. Посмотрите. Боже мой! Вот снова этот взгляд и то же выражение лица! Честно, мадмуазель, от него меня бросает в дрожь. Давайте пройдем.

Она ускорила шаг, однако поприветствовала молодого человека и исчезла в рощице.

– Да я скоро с ума сойду! – закричал Шотландец, ударив себя кулаком по лбу. – Элизабет! Элизабет!

А вскоре его глаза снова заблестели. Она вновь появилась. М. её оставил и направился к караульному полку.

– Дорогой мой, – сказал он Шотландцу, – хорошая новость. Завтра прогулка и бал, а поскольку это только завтра, ты не будешь в карауле и точно сможешь там быть.

– 2 –

Генерал-аншеф Н., командующий кавалерийским корпусом, расположенным в городе Т. и окрестностях, командир полка Т., кавалер Орденой ленте только что вошел в бальный зал.

Все офицеры, полковники, генералы поднялись при его появлении. В зале воцарилась глубокая тишина.

Приветствуя всех, старец прошествовал в одну из трёх боковых комнат, где он расположился за западным столом с тремя генералами.

Начали танцевать вальс.

В этот момент раздался шум сабли в коридоре, и вскоре вошёл Шотландец. Бросить фуражку на окно и снять саблю было делом

одной минуты. Он устремился через толпу танцующих. Затаив дыхание, подошёл к Элизабет и тот час же пригласил на танец.

О! каким же долгим был этот вальс, который он с ней танцевал!

– Мадмуазель! Могу ли я иметь честь танцевать с вами мазурку?

– Меня на неё уже пригласили.

– Котильон?

– Меня уже пригласили.

– Ну, хотя бы на кадрили?..

– Месье, я занята на весь вечер!

В неистовстве Шотландец пересёк зал. Затем он привязал свою саблю, взял фуражку и вышел.

Он не был тяжёлым человеком, этот Шотландец, вовсе нет! Он хотел танцевать только с самой красивой девушкой на балу. Ничего более! И он презирал всех остальных.

Кто же была эта королева красоты? Это Элизабет Н., единственная дочь генерал-аншефа, командира полка, кавалера Орденской ленты и ещё сотни российских и иностранных приказов, фрейлина её Величества Императрицы. Не так много, практически ничего!

А кем же был Шотландец?

О! здесь есть, что сказать! Сирота, с крошечным жалованьем, которое ему приносила служба за границей, притеснения его изгнанной матери, воспоминания и бумаги выдающихся предков, благородное и чувствительное сердце, вспыльчивый и неукротимый нрав и безумная страсть к прекрасной девушке. Это был великий человек!

Три кадрили закончились, начиналась мазурка.

– Что стало с вашим принцем без наследства – кавалером дедикато Айвенго? – спросила Элизабет у М., передвигаясь вместе с ним к центру со стульями, который был сформирован для мазурки.

– О, Боже мой! Он ушёл, – ответил М. с горькой и язвительной улыбкой, – он злится за то, что вы ему отказали.

– Вовсе нет, я ему не отказала, и я бы никогда этого не сделала, если бы не была приглашена. Я это ему сказала.

– Да, конечно, – ответил М. язвительно, – я полагаю, вы сожалеете, что вам пришлось принять приглашения до того, как он успел вас пригласить?

– Да! Я сожалею, что причинила ему боль, не зная об этом. Мне кажется, что он рассердился, и это меня огорчает. Он так интересен!

– Ах, вот как, интересен! Я это знал, я это предвидел вчера. Он интересен!

– Но, в самом деле, месье М., на кого вы сегодня взъелись?

– Ни на кого, мадмуазель! Я просто восхищён видеть, как вы любите разнообразие.

– Месье М.!

Вошёл Шотландец. Даже в своём горе он не мог отказать себе в удовольствии видеть её. Элизабет, улыбаясь, посмотрела на него.

– Мадмуазель забыла, что сейчас наш танец, – сказал М., проглотив свою ревность.

Фигура была такова, что дама должна была выбирать кавалера. Элизабет подошла к Шотландцу.

– Месье! Позвольте мне выбрать вас, хотя бы по причине того, что я не могу иметь удовольствие быть вашей партнёршей!

Он ломал руки от счастья.

В течение всей мазурки она то и дело выбирала только его. То же самое повторилось и во время котильона. Бедный Шотландец умирал от счастья. Это был первый вечер в его жизни, который он проводил вот так. Он просто сошёл с ума, но он бы ни за что не променял это безумие на всю вселенскую мудрость, ни даже богатство, что, безусловно, намного лучше.

– Мадмуазель очень приятно проводит вечер, – сказал М. к концу котильона, поскольку именно котильон он наконец-то танцевал с ней, и, тем не менее, он, как проклятый, завидовал счастьем Шотландца, – я полагаю, что воспоминаний вам хватит хотя бы на две недели.

– Вы прямо мне войну объявили, – ответила она, – хотелось бы знать, что я вам такого сделала сегодня?

– Абсолютно ничего, мадмуазель! Я всего лишь делаю замечания.

– И что же вы такого интересного заметили? Кажется, вас очень занимает этот граф.

– О да! Граф, принц без наследства. Он сейчас более счастлив, нежели был бы, верни он своё наследство назад из прошлого. Что вы на это скажите?

– Но я ничего об этом не знаю. Невозможно, чтобы он был так счастлив, поскольку он танцевал не целый вечер, а только когда его выбирали.

– Именно, когда его выбирали! Но вы всё-таки пожалели его и танцевали с ним – он просто счастлив! А вы, я вам говорю, у вас воспоминаний будет на две недели, пока кто-то другой...

– Месье М.! что всё это значит? Вы себе слишком многое позволяете!

– А! я себе многое позволяю, это я-то! Давно ли я себе слишком многое позволял по отношению к вам?

– Месье! Месье! Это просто ужасно! Месье, я вам запрещаю произносить хотя бы слово!

Она отвернулась и за весь вечер больше не обмолвилась с ним ни единым словом. Он испытывал бесконечную ненависть к Шотландцу.

– 3 –

Шотландец заступил на службу. Снова на бульваре играли трубы, и толпа там была такая же большая, как и в первый раз.

Опираясь о свою любимую колонну, граф больше не был грустным, как раньше. Нет! Его щёки горели, его глаза сверкали, улыбка с выражением небесного блаженства сияла на его полуоткрытых губах.

Перед ним, на прекрасной песочной аллее, остановилась Элизабет и заговорила. Гипнотическое выражение глаз молодого человека утратило для неё всё, что в них было пугающего.

– Итак, через неделю вы возвращаетесь в свой полк, месье? Ваша служба здесь закончена?

– Да, мадмуазель! Мне остаётся всего несколько дней, чтобы насладиться счастьем быть здесь! Скоро всё закончится! Ах! Если бы я мог умереть на то время, что пройдёт до того момента, пока снова настанет мой черёд заступить здесь в караул!

– Честно говоря, месье, для меня просто непостижимо, как вы можете желать того, чего другие всячески избегают. Говорят, что служба здесь очень трудная.

– Это действительно так. Но я не чувствую сложностей, когда есть что-то, что меня стимулирует, когда мой разум занят – тогда становится всё равно. Я полагаю, что если бы у меня была причина, я мог бы сделать что угодно: воскресить мертвых и их права. Я бы стал тем, кем когда-то были посланники! Но это того не стоит!

– Послушайте, М. мне рассказал в общих чертах о вашем происхождении. Хочу вам сказать, что вы кажетесь существом поэтическим, что мне очень любопытно. Если вы мне доставите такое удовольствие...

– Мадмуазель! Даже не стоит об этом говорить, но если вы этого хотите, я готов вам его доставить.

– Спасибо! Как вы добры. Послушайте! Этим вечером я буду у мадам С., с которой, насколько я знаю, вы хорошо знакомы. Ой, я забыла, что вы сегодня в карауле. Как жаль!

– Мадмуазель! Для вас я сделаю то, что никогда в жизни не делал и ни для кого бы не сделал. Я оставлю свой пост! Я подвергнусь опасности встретить там...

– О! насчет этого будьте спокойны. Я уверяю вас, что там никого не будет из вашего начальства. Все эти господа генералы и полковники проводят вечер у моего отца. Они будут играть в свой виски-покер.

– Мне всё равно. Этим вечером я буду в вашем распоряжении и в распоряжении истории всей Шотландии.

– Тогда до вечера. Прощайте!

И Элизабет с очаровательной улыбкой побежала догонять своих спутниц, которые удалились.

– 4 –

Ночь была тёмной. По небу плыли чёрные тучи, которые гнал сильный ветер. Время от времени длинные молнии сверкали в воздухе, и удалённые раскаты грома слышались с разным интервалом.

После того как всё было приведено в порядок в караульном полку, и выданы были инструкции младшему офицеру в случае визита начальника, Шотландец снял свою саблю, шарф и фуражку, завернулся в солдатское пальто из толстого сукна <с колпаком полицейского> и тихонько ушёл.

Быстрым шагом он пробежал бульвар, спустился вниз, снова поднялся, свернул на улицу и вошёл в дом довольно красивый с виду, хоть и небольшой.

– А! Господин граф! – сказала мадам, поднимаясь и приветствуя новопришедшего, – а мне сказали, что вы сегодня в карауле.

– Да, мадам, – ответил Шотландец, – я в карауле, я вам это доверяю под грифом секретности, но я не мог вынести скуки оставаться в этом подвале совершенно одному.

– Месье! Но вы подвергаетесь опасности!

– Да, конечно, но удача на моей стороне, поскольку в такую грозовую ночь никто не захочет мне нанести визит. Более того, я полагаю, что если вы кого-то ждёте, то ждёте напрасно.

– Нет, я больше никого не жду. Моё общество этим вечером немногочисленно. Кроме людей, которые являются моими всегда-

таями, у меня только Элизабет Н., которая здесь вот уже полчаса. Возможно, придёт мой кузен М.

Открылась дверь, и показался М. Его взгляд метал молнии на Шотландца, который его даже не заметил и молчаливо сидел в углу. В этот момент другая дверь открылась, и Элизабет, прекрасная в своём простом наряде, вошла улыбаясь.

Организовали партию в виски-покер: мадам С., её кузен М. и ещё два человека. Остались только Шотландец и Элизабет, которые не играли. Какой счастливый случай!

– Я благодарю вас, месье, – сказала Элизабет, усаживаясь у окна и приглашая молодого человека расположиться возле неё, – вы не боялись такого риска только ради удовлетворения моего напрасного любопытства. Я не могу не повторить своей благодарности, но я чувствую, что вы настоящий кавалер, настоящий Брюс Уоллес, который честно держит своё слово.

– О! Мадмуазель! Вы мне оказываете слишком большую честь, сравнивая меня с моими прославленными предками.

– Как, Брюс Уоллес был вашим предком? О! ради Бога, не скрывайте вашу историю! Если бы вы знали, как это интересно.

– Так знайте же, мадмуазель, что моя семья принадлежит к целому клану горцев – Королевскому Клану, дочери которого воспитывались первыми лицами Королевства – своей родственницей по линии старых королей Шотландии. Этот клан всё ещё существует сегодня, и это клан Дональда Р. де Б. – самый многочисленный, самый воинственный из всех горцев. Этот клан сам, своими силами победил известные кланы Келя и Шатана и заставил их покоиться с миром из-за нехватки средств продолжать войну. Семья Дональда Р. де Б. очень близко восходит к Брюсу, а по женской линии к сэру Вильяму Уолессу. Мои предки, когда Жак М., король Англии, оставил трон и укрылся во Франции, сопровождали его в его убежище, и там, чтобы избежать преследований, они оставили своё настоящее имя и упоминали только графа Б. Мой предок, преследуемый во Франции, уехал в Россию и поступил там на службу. Начиная с этого времени эта несчастная семья, оставаясь под чужим небом, рассеялась и, наконец, исчезла. Но права последнего отпрыска на воинственный клан Дональда Р. де Б. и на корону древней Шотландии являются неоспоримыми, и этот последний отпрыск – Я!

– Вы? – вскрикнула Элизабет.

– Да! Я! Я изгнанник, служащий угнетателям своей родины, простите за эти слова. Я, который едва заметен среди толпы под

флагом орла. Я! Я несчастный отпрыск древа, когда-то зелёного и густого, а теперь сухого и лишённого яркости, разбитого молнией. Вот, мадмуазель, ужасный пример превратностей этого мира.

– Боже мой! Но зная все эти ужасы, вы, должно быть, глубоко несчастны.

– Нет! До настоящего момента я доволен моей умеренной жизнью, если не сказать бедностью, я жил счастливо, служа по моему состоянию, а не по моему происхождению. Я бы ничего не желал, но честолюбие входит в сердце мужчины незаметно для него, особенно, когда он видит себя настолько ниже других, и когда он часто унижен теми, кто должен был бы стоять на коленях в государстве моих предков. И потом, совершенно новое чувство меня сейчас разрывает, и я полагаю, да я в этом уверен, если надежда подкрепила бы все силы, я бы умер или вернул себе всё то, что принадлежит мне по праву.

– У вас такие странные идеи! Как вы можете думать о свободе вашей родины? Возможно ли, чтобы Шотландия когда-нибудь избавилась от зависимости, от ярма, если хотите, от той власти, которая её поработила?

– Ничего нет невозможного для того, кто твердо этого хочет! И я, я этого хочу, но мне не хватает надежды!

– И какова эта надежда?

– Ах! Мадмуазель, если бы я знал, что вы примете участие в моей несчастной судьбе, я бы вам всё сказал!

– Говорите, прошу вас, будьте уверены, что я живо вами интересуюсь.

– Ну, хорошо! Знайте же тогда, любовь царит в моей душе. Но я был слишком большим смельчаком. Я возвёл свои нежные чувства, как Рыцарь Леопарда, сэра Кеннет Шотландский, на слишком высокий пьедестал для того, чтобы когда-либо смочь надеяться быть удостоенным благосклонного взгляда! О! если бы у меня только была эта надежда, я клянусь, что я бы вскоре подарил этому божееству или трон, или труп – так как иначе я не смогу говорить о любви!

– Зачем отчаиваться? – начала Элизабет с такой мягкой, такой вкрадчивой улыбкой, – возможно, ваше сердце занято, возможно, вас уже любят, вас – простого офицера, больше чем любили короля Шотландии, или вождя клана Дональда Р. де Б.

– О! думайте о том, что говорите! Не бросайтесь своими словами, не взвесив их тщательно. Вы не знаете, что можете сделать! Послушайте! Поскольку вы так хорошо угадываете чувства

человека, от которого зависит моя судьба. Скажите, хотела бы она стать королевой и разделить со мной трон?

– Не только трон, но и ваше теперешнее положение – графиня Б. или королева Шотландии была бы равно счастлива. Вот уже месяц, как я составляю понятие об этой особе.

– Вспомните эти слова! Возможно, придёт время, когда вы мне ответите за особу, о которой говорите.

– Я ничего не боюсь, и тогда я скажу то же самое, что говорю сейчас.

– 5 –

– Господин Б., зайдите в мой кабинет, мне нужно с вами серьёзно поговорить.

Так начал разговор генерал-майор, глава Исполнительного бюро. Артур де Б. молча за ним проследовал.

– По городу достаточно быстро распространяются слухи, что вы влюблены в мадмуазель Элизабет Н. Я прошу вас дать мне только один ответ. Это правда?

– Ваше благородие должны понять, что секреты моего сердца не имеют никакого отношения к службе, как и вопрос, который Ваше благородие мне задали. Я не расположен на него отвечать.

– Как? Что? Что вы сказали, месье лейтенант?

– Я говорю, что я не обязан отвечать на вопрос Вашего благородия.

– Ах! Вы не обязаны, сударь! Вы не обязаны! И вы открыли рот, чтобы мне это сказать! А я, я вас обязываю!

– Никто в мире не имеет на это права.

– Никто! А! я бы не мог поверить, что какой-то лейтенант будет со мной разговаривать подобным образом.

– Однако вы это видите, Ваше благородие. Но предположим, что я хочу об этом говорить, позвольте мне спросить вас, кто распространяет подобные слухи?

– Все об этом говорят. Вы мне заплатите за вашу дерзость! И потом, абсолютно ясно – вы ходите в церковь только затем, чтобы её увидеть, вы ищите её на всех прогулках, вы без конца с ней говорите. Но это неслыханно! Как? Осмелился любить мадмуазель Н., и кто, он? Человек без связей, без малейшего положения, без имени! Вы были сумасшедшим нищим, когда осмелились поднять глаза так высоко, не боясь ослепнуть. И потом он мне говорит, что это тайны его сердца! И что может быть общего у вашего сердца, вы ничтожество, с мадмуазель Элизабет? Оглянитесь немного! Он

любит её! Знаете ли вы, что вы слишком большой ноль, чтобы осмелиться смотреть на неё! Вон! Оставьте здесь вашу саблю и идите в караульный полк. Я вас заключаю под арест на месяц! Я уберу эти либеральные идеи из вашей головы! Идите!

– Если бы я не испытывал жалости к вашим сединам, – воскликнул Артур, бросая саблю на пол, – это лезвие узнало бы вкус ваших внутренностей! Но будьте спокойны, Ваше благородие! Это я вам говорю, вы дорого заплатите за вашу дерзость, вы заплатите унижением. Прощайте!

– 6 –

– Ваша Светлость! Офицер полка Б., граф Артур де Б. – лейтенант, вчера оставил свой пост или, лучше сказать, дезертировал.

– Как дезертировал? Кто? Офицер?

– Да, Ваше Высочество! Я его отослал под арест в караульный полк, а он, вместо того, чтобы туда отправиться, исчез. Он подарил одному из своих товарищей униформу и парадную лошадь, а два солдата даже видели, как он поехал по горной дороге в старой форме без эполет на хайландском пони.

– Ладно! Снарядите младшего офицера и двух солдат в горы с приказом об аресте, мы его передадим под суд.

И Его Высочество повернулся спиной к главе Исполнительного бюро, который отдал ему честь и ушёл.

– 7 –

Два месяца прошло, и во всех окрестностях города Т. только и было разговоров, что о великом всеобщем восстании шотландских горцев и молодом графе Артуре Р. де Б., – воинственном командующем Королевским Кланом Дональда Р. де Б.

Огонь сопротивления распространялся с устрашающей быстротой во всех частях Шотландии, горы обрели свою былую полную свободу и высокий трон Клеймора.

Войска, в частности военный корпус генерал-аншефа Н., участвовали в кампании, чтобы дать отпор повстанцам. С самого начала они набросились на горы, но сейчас довольствовались удерживанием врагов на равнине и вокруг военного города Т., поскольку «дружеский» приём горцев не выказал особого расположения к регулярным войскам. Авангард был почти полностью разгромлен.

В городе Т. прогуливались по бульвару и, как в спокойные времена, толпа гуляющих не уменьшалась.

Любезная и весёлая, как когда-то, появилась Элизабет. Она хотела смешаться с группами людей, но видела, что не будет ничего интересного, поскольку бульвар был заполнен только дамами. Все офицеры полка Т., проживающие в городе, находились на своих постах с утра до вечера и с вечера до утра.

Элизабет села в тишине на перила в тени липы, её взгляд упал на горы, иногда ей казалось, что она слышит выстрелы. Ожидали спуска горцев.

Вдруг какой-то офицер пересёк площадь быстрым галопом и помчался прямо к дому её отца. Там он спешил и вошёл в дом.

Вскоре офицер снова появился и, взяв свою лошадь под уздцы, пошёл в сторону бульвара. Это был М.. Элизабет не обмолвилась с ним ни единым словом с той самой их ссоры на балу. В этот раз любопытство а, возможно, и другое чувство, побудили её позвать его.

– Месье М., – сказала она, – подойдите на минуточку сюда.

Он послушался и привязал свою лошадь к одной из колонн караульного помещения.

– Что желает мадмуазель Н.? – спросил он

– Прежде всего, я хочу вам сказать, что я не испытываю к вам больше ненависти. А теперь расскажите мне, почему вы так быстро приехали, и какие новости?

– Я вам благодарю за ваше великодушное извинение, – сказал он с горечью, но с улыбкой, хотя и язвительной, позволяющей увидеть удовольствие, – что же касается новостей, они очень плохие. Вчера повстанцы сняли наши пикеты у подножия гор. Сегодня была перестрелка, в которой захвачена половина эскадрона: люди и лошади. Наконец я прибыл, чтобы высказать своё мнение о том, что кланы готовятся дать главную битву. Бог даст! мы их удержим.

– Но чего хотят эти горцы?

– Немногого! Свободы своей страны и короля Шотландии!

– И кого, говорят, они возведут на трон?

– Графа Артура Р.де Б.! это точно!

– Видите, наш принц без наследства вновь завоёвывает его.

– Да! И что бы я ни говорил из глубины моего сердца, я должен признаться, что он завоёвывает его смело.

– О! этот вспыльчивый Шотландец, я всегда предполагала, что он способен на великие дела!

– Вы чувствуете эти великие дела лучше, чем он сам! О! вы жестоки! Позвать меня для того, чтобы говорить о нём, это просто ужасно!

– Вы один. Почему бы мне вас не спросить, когда он меня интересуется.

– Он вас интересуется! О! я очарован, что он вас интересуется! Но, будьте уверены, он не будет вас интересоваться долго! Вскоре он исчезнет с этого тревожного горизонта. Его победа повернёт его взгляд к нам. Его счастье должно пройти! и потом, даже если он будет победителем – я поручился, и я повторю перед вами эту клятву из чувства ненависти к нему, я пойду в эти горы, и там я убью его. Я его убью ночью, предательски, и моя родина будет мне признательна!

– Боже мой! Что вы говорите? Это из ваших уст я слышу эти речи?

– Да! Это я, я разочарован. Да! Смерть Шотландцу! Я буду его искать везде!

Крик, единственный крик, но такой резкий, такой раздирающий, такой хриплый, такой пронизывающий – его было бы достаточно, чтобы поднять мёртвых из своих могил, затаих за бульваром, и группка горцев устремилась через деревья с поднятыми мечами, ружьями через плечо. Артур был во главе.

– Смотрите! – вскричала Элизабет, поднявшись и выпрямившись со всем благородством своего происхождения, – вы сдвинетесь со своего места? Вот ваш враг! Месье М., нападайте на него сейчас!

Но М. уже запрыгнул на свою лошадь и пересёк площадь на полном карьере. За ним последовало несколько выстрелов, и вскоре весь отряд бросился на площадь. Ещё несколько шагов, и командир отряда будет захвачен, но в этот момент четыре эскадрона выскочили галопом с соседних улиц, и шотландцам, которых было не более пятидесяти, пришлось отступить к бульвару и вернуться туда без единой потери.

Там они снова взяли перевес. Они были пешие, с огнестрельным оружием и расположились в излучине бульвара или, можно было сказать, в саду, отрезанные <...>. Кавалерия не могла туда войти, и частый огонь горцев постоянно обрушивался на людей и лошадей.

Послали за пехотой, но она была слишком далеко и могла прийти только к ночи. Кавалерия галопом кружила по бульвару, не имея возможности ни приблизиться, ни укрыться от пуль, которые

то и дело пересекали площадь. Сами шотландцы практически не передвигались, их стрелки разделились на несколько групп, которые постоянно менялись, давая отдохнуть друг другу, но от этого огонь не становился менее насыщенным.

– Мои Leihthals! – кричал Артур после того, как расположил свою группу, – окружите эту благородную даму, и чтобы ей не было причинено никакого вреда, ни нашими, ни врагами. Вы за это отвечаете своей жизнью!

– О! Месье граф! – сказала Элизабет с тревогой, – вы собираетесь меня задержать как пленницу? Вы, на кого я всегда смотрела, как на идеал рыцарского благородства!

– Мадмуазель! Будьте спокойны. Я вас окружу своими охранниками, чтобы укрыть от опасности. Вы свободны, я вам клянусь честью шотландца, что вы можете идти, куда захотите, как только дело будет закончено.

– Но скажите мне, что вы хотите сделать? Зачем и как вы сюда добрались с таким малочисленным отрядом?

– Я надеялся положить конец войне внезапной атакой, но у меня ничего не получилось. Сейчас я жду ночи, чтобы проложить себе путь через эту толпу или чтобы меня вытащили к оврагу. Тогда вы будете свободны.

– Сколько беспокойства вы уже причинили! Зачем вы начали это фатальное сопротивление?

– Зачем? И это вы меня об этом спрашиваете? Так, стало быть, вы забыли ваши слова, последние, которые я услышал из ваших уст! Не вы ли мне дали надежду? О! Я хочу быть королём, и я им стану! Кто я сейчас? Бунтовщик, изгнанник! Послушайте! Возможно, придёт время, когда я у вас попрошу отчёта за эти слова, которые постоянно в моих мыслях. Подумайте о том, что вы обещали уважать то, что тогда сказали!

Один из горцев-стрелков появился возле Артура и сказал ему несколько слов на гаэльском языке.

– Leichtahls! Подумай о своём долге!

И с этими словами Артур побежал собирать свою группу и снова отступил к оврагу.

– Часть уланов спешила на землю, – сказал он Элизабет, – возможно, мне представится случай безопасно передать вас в их руки.

В этот момент подъехал офицер с пешим взводом. Артур что-то прокричал по-гаэльски, и в эту же секунду все ружья были направлены на прибывших, но ни одно не выстрелило.

– А! это М. Во имя жизни, М., остановись! Мои газльцы попадают в ласточек на лету, одно только моё слово, и ты, и твой взвод будете мертвы! Послушай! Я хочу тебе предоставить решение, и если ты мне обещаешь честно его выполнить, ты сможешь вернуться в целости и сохранности.

– Я пришёл не за тем, чтобы капитулировать, а чтобы сразиться с тобой! Ты хочешь принять бой один на один? – спросил М., постоянно продвигаясь вперёд.

– У нас ещё будет время сразиться с тобой, всё что захочешь. Сейчас я не принимаю твой вызов! Вот Элизабет Н. посреди сражения. Отведи её к отцу, ты сделаешь доброе дело.

М. ничего не ответил, но оставил свою саблю. Он был смущён таким благородством, съедаем ревностью, иссушён любовью.

Элизабет вышла из рядов шотландцев и пошла вперёд со спокойной улыбкой.

– Прощайте! Слишком благородный победитель, – сказала она, повернувшись к Артуру, её красивые глаза были полны слёз, – я никогда не забуду этот день! Ваш образ будет всегда предметом моего восхищения. Идёмте!

И М. вернулся со своим взводом грустный и задумчивый. У него даже не было права сказать, что он что-то для неё сделал.

Однако наступила ночь, кавалерия не прибыла. Артур со своей группой под покровом темноты, в тишине вернулся назад в свой лагерь через овраг по труднопроходимым горным тропкам, а когда он уже был в убежище от любой неожиданности, кавалерия атаковала пустой бульвар.

– 9 –

Сияющее солнце поднялось над горами Глин-Корна, позолотив стволы елей.

На равнине, покрытой красивым зелёным густым ковром, прислонившись к остроконечному скальному склону и возвышаясь над узким и глубоким оврагом, поднималось несколько палаток и шалашей из кустарника. Разнообразное оружие – ружья, топоры, пики, клейморы – было выставлено вдоль скалы. Рядом прогуливалось несколько часовых.

В расщелине скалы, немного слева, светились и потрескивали костры. Это была кухня лагеря.

Какой-то горец вышел из шалаша и расположился посередине лужайки. В горах зазвучали пронзительные звуки волынки. В эту же

секунду из каждого шалаша выскочило несколько воинов, и в мгновение ока вся равнина была заполнена более тысячью людей, и это был только элитный батальон, охрана Артура, парни клана Дональда Р. де Б. Вместе с капелланом клана все произнесли молитву человеколюбия, после чего войско вернулось в шалаши.

Вскоре из всех палаток вышли лучше других одетые горцы – это были вожди и офицеры клана. Все друг за другом вошли в павильон, расположенный посередине.

На охапке соломы, покрытой пледом, перед пустым бочонком, который служил столом, и на котором были в беспорядке разложены перья, какие-то бумаги и карта, сидел Артур. Он был одет подобно горцам в короткую одежду из тартана в крупную зелёную и белую клетку. На голове у него была шапочка из такой же ткани с белыми страусиными перьями. Его широкий клеймор, короткая винтовка и маленький круглый щит с буквой «Е» вместо девиза висели на одном из столбов. Из оружия на нём был только короткий кинжал с богатой рукояткой, украшенной золотом и драгоценными камнями, привязанный к красивой шелковой перевязи, с другой стороны которой был подвешен маленький охотничий рожок, отполированный до блеска.

Он поднялся и, сняв шапочку, любезно ответил на приветствие своих подчинённых и товарищей.

– Ну что же, Дональд! Какие новости? – сказал он, обращаясь к молодому высокому человеку, чьи гордые жесты и благородные манеры выдавали человека, рождённого, чтобы командовать.

– Я ничего не узнал, сеньор, – ответил Дональд, – все мои гонцы вернулись, никого не встретив. Враг не двигается, кажется, он ожидает подкрепления.

– А вы, МакАллан? Ваш посланник ещё не вернулся?

Тот, к кому он обратился, был мужчиной лет тридцати, крупный, с широкими плечами, длинными усами и рыжей густой бородой.

– Ещё нет, сир Артур. Я послал его в клан Кэла. Он уехал вчера днем. Я не знаю, что его могло задержать в пути так долго.

– Кажется, что наши союзники, наши земляки не слишком спешат выполнять то, что они нам обещали с таким рвением. Что делать? Мы не должны думать об этом. Возможно, настанет тот день, когда они ответят за своё промедление. Подумаем лучше, что мы можем сделать сами, без них. Не следует думать, мои храбрые товарищи, о том, чтобы покинуть защищающие нас горы до того, как соберутся все гаэльцы. Мы должны защищать только

укрытие войск. С нашим единственным кланом, каким бы храбрым он не был, нельзя ставить на карту судьбу нашей дорогой родины. Русские слишком хорошие солдаты и слишком дисциплинированы. Поверьте мне. Я это знаю, я служил в их рядах. И потом, разве моя вылазка на прошлой неделе не доказывает, что они настороже. Таким образом, тайно атаковать будет сложно. Не следует думать о нападении на них, будем довольствоваться тем, что будем постоянно их тревожить. Что вы на это скажете?

Весь совет придерживался того же мнения.

– О! мои соотечественники! – продолжал он, – они за это ответят перед Богом и перед родиной! Если бы собрались все кланы – я бы сразу уничтожил это войско... Но Бог приказывает поступить иначе!..

Одна из пол палатки приподнялась, и вошел горец, покрытый пылью, его шотландка была в зелёную и красную клетку.

– Сеньор! – сказал он Артуру, – я гонец клана Кэла. Уилфрид МакЯн шлёт вам свой привет, он в нескольких шагах отсюда.

– Господь Всемогущий, – вскрикнул Артур, падая на колени, – ты слышишь мою молитву! Будь благословлен!

Вошёл второй горец, одетый в шотландку в зелёную и жёлтую клетку.

– Сеньор, – сказал он, кланаясь, – я приехал от лица МакФергюса Шаттанала, чтобы передать вам извещение о его прибытии. Он и весь доблестный клан Шаттанала находятся в ущелье Глин Корна.

– Идёмте, мои друзья, – закричал восторженно Артур, – бежим навстречу к этим храбрым союзникам. Пусть Бог мне простит мои несправедливые подозрения!

Он вышел, но в ту же секунду столкнулся с третьим горцем в шотландке в белую и синюю клетку.

– Сеньор, – сказал он, – сыновья Ивора находятся у подножия этого подъёма. Рональд МакИвор придёт с минуты на минуту.

– Сеньор, – сказал человек в красно-чёрной шотландке, прокладывая себе путь через толпу, – Ишиур МакИг с Детями Ночи ждёт ваших распоряжений позади восточного подножия горы.

У Артура едва хватило выдержки отослать этих гонцов, он был так счастлив, он хотел быть всеми любим.

Стоило только выйти гонцу Детей Ночи, как появился новый – в сине-жёлтой шотландке, который пришёл сообщить о прибытии Джили МакАлея со своим кланом.

– Теперь, мои дорогие компаньоны, я могу вас заверить в успехе. Мы многочисленны. Идите каждый к благородным вождям кланов-союзников и покажите им подходящие места, где они смогут разбить свои лагеря. Попросите вождей оказать мне честь и разделить мою трапезу воина.

– 10 –

В чистом и безоблачном небе луна уже достигла самой высокой точки своего бега, а собравшиеся в палатке Артура вожди кланов продолжали излагать свои мысли касательно военных операций, которые они ему предложили начать послезавтра.

К счастью, все были согласны выступить всеми своими объединёнными силами против армии противника и дать ей главный бой. Хотели воспользоваться всеобщим, практически лихорадочным возбуждением. Речь шла только о том, чтобы построить войска.

Один из караульных Артура, молодой человек, проворный и смелый, которого он назначил караульным лагеря, вошёл и сказал, что русский офицер пришёл ближе к вечеру и сдался пикету первого ущелья, попросив, чтобы его отвели к Предводителю для передачи поручения от своего командования.

Артур приказал ввести его.

– А! Да это же М.! – сказал он, когда появился офицер. – Рад вас видеть. Давайте посмотрим, что за сообщение вы мне принесли?

– Сеньор! – ответил М. – Прежде всего, разрешите мне вас поблагодарить за благородство ваших горцев, которые, не причинив мне ни малейшего вреда, привели меня сюда. Только у них моё оружие, забрали мою саблю, и я боюсь...

– Ба! Вы боитесь её взять. Эй! Пусть вернут саблю этому офицеру! Видите. Мои люди знают законы войны, не зная законов вежливости. Возьмите вашу саблю, я вам её возвращаю в знак благодарности за то, как вы выполнили миссию на бульваре. Но посмотрим, что вы нам принесли от вашего командования?

– Сеньор! Моё послание такого рода, что должно быть услышано только вами, и если вы сообразовали указать мне место, где мы сможем поговорить без свидетелей, я не заставлю вас ждать.

– Охотно! Но мне нужно об этом предупредить моих союзников.

Тогда он по-гаэльски объяснил предводителям, что молодой офицер не осмеливается говорить в их присутствии, и что только он как Исполнитель Конфедерации сможет узнать то, о чём пойдёт

речь, а затем передать им и попросил не расходиться до его возвращения.

Все предводители с этим согласились. Итак, взяв М. за руку, Артур отвёл его на какое-то расстояние от лагеря к скале, которая возвышалась над оврагом.

– Итак, вот мы и одни здесь, – сказал Артур, – говорите!

– То, что мне нужно сказать, – ответил М. с хмурым видом, – не имеет никакого отношения к нашему командованию. Я обманул твоего караульного, мне надо поговорить именно с тобой!

– Со мной? Ну что же, ноль-ноль. Давай, говори!

– О, да! Я буду говорить! Я уже давно искал этого случая. Слушай! Твоё безумное предприятие и весь твой сумасшедший вид вскружили голову Элизабет, она думает только о тебе и обо мне! Знаешь ли ты, что я теперь? Я терзаем любовью и схожу с ума от ревности! Я поклялся твоей смертью и пришёл выполнить свою клятву! Поручи свою душу Богу, потому что ты уже мёртв!

Вытянув свою саблю, он в бешенстве устремился на Артура, которому ничего не оставалось, как отпрыгнуть в сторону и схватить свой рожок. Раздался резкий и длительный звук в скалах, и в ту же секунду около двадцати газельцев, вооружённых разным оружием, выпрыгнули на равнину и стремительно набросились на М.. Сабля выскочила у него из рук, а сам он упал на колени. Дональд схватил его за горло и занёс свой кинжал на вытянутую руку, чтобы отправить его прямо в сердце офицера.

– Остановись! – кричал Артур, протягивая руку, и Дональд застыл, как статуя – клинок поднят, глаза устремлены на своего командира в ожидании его малейшего знака.

– Предатель! – сказал Артур. – Я бы никогда не поверил, что русский офицер способен на такую низость! Иди! Ты достоин одного – кинжала газельца, погружённого в твою кровь!

– Вложи своё оружие обратно в ножны, Дональд! – продолжил он на кельтском языке, – я презираю этого несчастного! Я оказываю ему милость!

Дональд вложил свой клинок и поднял молодого человека.

– Артур! – кричал он, – пусть меня убьют, потому что я не преуспел ни в одном замысле, который смог бы успокоить моё пылающее сердце! О! это было ужасно! Сказать «прощай» одновременно и Элизабет, и чести! Ради бога, сбросьте меня вниз со скалы, потому что твоя сталь слишком благородна для меня!

– Нет! Я не хочу убийств. Я отошлю тебя в твой лагерь, и пусть знают, как газелец пожалел того, кто хотел забрать у него жизнь.

Leichtahts! Пусть его отведут до самого вражеского пикета. Вы отвечаете своими жизнями за то, чтобы ему не причинили никакого вреда. Идите!

– О! Артур! Ты раскаешься в своём благородстве, я буду тебя искать везде и, возможно, в конце концов, я тебя найду! Я тебя проклинаю и торжественно обещаю ненавидеть до самой смерти! До свидания!

Дональд объяснил своему командиру, что, боясь какого-то обмана, он довёл пленника вместе с отрядом Leichtahts до вражеского пикета, и что М. твердо держался за скалой.

– 11 –

Слабый свет окрасил восток, совершенно белый и почти незаметный. Небо было усеяно звёздами, которые сияли ярче, чем обычно, поскольку было холодно.

Лошади дозорных дрожали от холода, а наездники, уставшие от наблюдения, задремали, склонившись над гривами. Это была та часть ночи, когда сон одолевает больше всего. Западный ветер, достаточно колючий, сковал конечности. Все дозорные похрапывали, завёрнутые в свои пальто.

Луна скрылась, и горы выглядели мрачно и угрожающе. Вот уже какое-то время их глубокое одиночество было потревожено слабым, но чётким и размеренным шумом шагов армии.

Вскоре шествие начало оживляться и переполнять равнину. Один за другим все кланы, при полном вооружении и развёрнутых знамёнах, продвигались в тишине к аванпосту. Передвижные отряды рассеялись впереди.

– Да здравствует!.. – прошептал дозорный, но сразу же услышал тяжёлый звук тела, падающего на землю, и галоп лошади, устремившейся через равнину. В рядах дозора началось движение, но прежде, чем раздался хоть один выстрел, весь аванпост был ликвидирован в полной тишине.

Начиная с этого первого успеха, шотландцы продолжили свой ход и на рассвете выстроились для боя перед спящим лагерем.

– Да здравствует! – закричал часовой, в ответ послышались оружейные выстрелы, и в ту же секунду все горцы издали крик, который прозвучал, как труба правосудия, в ушах и сердцах врага.

Ещё секунда, и всё смешалось в лагере. Полураздетые солдаты вскакивали на своих лошадей и падали под ударами клейморов. В нескольких местах начали гореть палатки. Яростные

крики шотландцев, стоны умирающих, ружейные залпы завершали суматоху. Затем прозвучал сигнал тревоги.

Однако несколько эскадронов, более подвижных, чем другие, успели оседлать лошадей и стремительно атаковали солдат шотландской армии. Этот манёвр спас лагерь, который был бы уничтожен за несколько минут.

Понемногу все воинские части воссоединились и с первыми лучами солнца сражение, настоящее выстроенное сражение, шло во всех концах. Только артиллерия молчала, потому что все отвязанные лошади были собраны в кучу по приказу Артура.

– Смелей! Вперёд! Сын Дональда! – кричал молодой командир, подавая пример, поскольку был в первых рядах, – атакуйте! Проклятые на головы этих отверженных, на угнетателей нашей родины!

– Берегите только красные флюгера – это мои старые товарищи!

Ни офицеров, ни солдат полка Б., которые попросили пощады, не убили – все были освобождены при условии, что покинут поле боя.

Но никому другому не было пощады, все были насажены на шпагу.

Настал полдень, постепенно битва достигала самой высокой точки ожесточения. Резня была ужасной. С двух сторон шло отчаянное сражение.

Несущий Штандарт Королевского Знамени Шотландии упал замертво к ногам Артура, воины спешили и поторопились его унести.

Поднять одной рукой флаг, а другой наносить удары клеймом для Артура, как первого смельчака, было минутным делом. Его сталь начала описывать в воздухе быстрые и сверкающие круги, ещё двое солдат покатались к его ногам. Но количество атакующих возрастало с каждой минутой. Больше ни один человек не мог сопротивляться, и Артур видел только один выход. Прижимая знамя к своему плечу, он схватил левой рукой свой рожок и, передвигаясь, приложил его ко рту. При первых звуках более тридцати Leichtahts были уже вокруг него и враг начал сдаваться, когда отряд уланов примчался галопом во главе с М.

– Смерть тебе, Артур! – закричал он, поднимая пику над головой, но в тот же миг раздался выстрел, и он свалился со своей лошади в пыль. М. был взят в плен. Весь отряд обратился в бегство после того, как потерял половину своих. Клань вновь собралась вокруг Королевского Штандарта.

– Мои храбрые товарищи! – сказал Артур командующим в тот момент, когда, казалось, две армии договорились приостановить сражение, – ещё небольшое усилие, и полная победа будет нашей! Посмотрите, что осталось от некогда столь блестящего и полного войска. Все пушки в наших руках. Мой план отлично удался. Возобновим, друзья! Мы уже достаточно отдохнули. Волынщики! Подавайте сигнал атаки!

Когда раздалась звуки волынки, войско генерал-аншефа Н. было практически уничтожено. Несколько жалких остатков беспорядочно отступали назад к городу Т., который успели достаточно хорошо укрепить. Только полк Б. практически не пострадал. От полка Т. осталось одно название.

Шотландцы окружили город, и ещё до захода солнца генерал-аншеф Н. со своими командирами дивизий и бригад, его Исполнительное Бюро и остатки его армейского корпуса заседали в своей штаб-квартире.

После сражения вожди Гор и вожди Равнин пришли с великой помпой к Артуру, поблагодарили его за победу, которую он им даровал, и передали ему Корону, как единственному отпрыску прежних монархов страны. Без притворного отказа он принял то, что ему вернулось по праву, и ещё до ночи граф Р. де Б. стал Артуром Королём Шотландии!

– 12 –

По бульвару города Т. больше никто не прогуливался. Даже улицы были пустынные, только время от времени какой-нибудь грустный житель со следами сражения, опечатанными на лице, проходил, как будто инспектируя, от одного дома к другому. Однако шотландцы не бомбардировали город, поскольку с ними не было Артура, а захваченные у врага пушки были отосланы в горы. Здесь они бы только мешали армии, там же они вооружали ущелья и делали их неприступными.

Голод должен был вскоре охватить город Т., уже чувствовалось его приближение.

Настал вечер. Элизабет грустно было видеть своего старого отца, удручённого последним поворотом судьбы, который ему пришлось испытать. Она вышла в сад, чтобы подышать свежим воздухом и возобновить силы, истощённые страхом. В задумчивости она поднялась на возвышенность и села в беседке с видом на окрестности, которую отец приказал построить для неё. Именно

отсюда, в более счастливые времена, она наблюдала за полками, которые проходили смотр под дождём.

Теперь, куда бы она ни бросила свой взгляд, было постоянно одно и то же зрелище: лагерь и воинские части шотландцев, осаждавшие город!

Вот уже час, как она была погружена в тяжкие размышления, как вдруг услышала лёгкий шум в кустарнике и чьи-то шаги, приближающиеся к беседке.

Томимая мыслями о шотландцах, она бросилась к выходу, но крик, смешанный с удивлением и радостью, вырвался у неё, потому что вместо тартана и клеймора она увидела входящего М., которого считала убитым.

– О боже! – вскрикнула она, – разве мертвецы возвращаются навещать тех, кто их любил!

– Те, кто их любил, и кто больше не любит! – ответил М. жалобным тоном.

– О, М.! Как всегда несправедлив и как всегда дорог! А я его ещё оплакивала, как никогда и никого, и я проклонила дикого Артура, которого считала его убийцей!..

– Элизабет! Дорогая Элизабет! От вас ли я это слышу? Вы, которая превозносили шотландцев до небес, вы, которая лишили меня надежды и склонили к предательству!

– О! Прекратите! Вы всегда были мне дороги, но ваша вспыльчивость, ваша ревность заставили меня изменить поведение. И вы могли сомневаться во мне?

М. упал к её ногам, схватил её руки и осыпал поцелуями. Он плакал. Он дрожал, он, который не дрогнул, идя на убийство предводителя горцев! Но чего только не делает любовь и ревность! Часто они превращают лучших и самых благородных мужчин в ничтожеств, готовых совершить последнее злодеяние.

После первых порывов Элизабет попросила М. присесть и рассказать ей, как получилось, что она снова его видит.

– Я был пленником, – начал он, – когда мы атаковали Королевский Штандарт. Все мои люди были убиты или разбежались. Меня увели во вражескую армию и держали до окончания сражения.

Вечером меня привели к Артуру. Он сидел в палатке, окружённый мятежными вождями кланов. Когда я вошёл, у них был такой величественный вид, что я был сражён. «Слушай и смотри, что произойдёт, – сказал мне Артур по-русски, – и хорошо всё запомни!» Меня отвели в угол палатки, откуда я мог видеть всех вождей.

Наступила глубокая тишина. Один из самых старых вождей вдруг поднялся и опустился на колени перед Артуром. Я не очень хорошо понял, что он ему сказал, так как говорил он долго. Остальные вожди оставались стоять с покрытой головой. Подводя итог своей речи, он попросил от имени всех товарищей по оружию и во имя всей Шотландии графа Артура Р. де Б., последнего отпрыска королевского рода, принять Корону, которую он ему передал от имени всех. Я думал, что Артур откажется, напротив, он не колебался ни минуты и с поистине королевским величием поблагодарил своих союзников за достойное отвоевание своего королевства, а также за уважение его прав. Наконец, в заключение он сказал, что охотно принимает данную корону по доброй воле. Затем, вытянув свой клеймор, ещё красный от крови наших, он поклялся сложить это оружие только тогда, когда его дорогая родина будет полностью свободна и счастлива! Крики? Нет! Вопли радости и восхищения заглушили его последние слова. Вся банда гаэльских вождей устремилась на улицу, а затем вернулась, с триумфом неся Королевский Штандарт Шотландии, который был передан в руки новому королю.

– Отныне наш принц без наследства – Артур Король Шотландии!

– Артур – Король Шотландии...

Она повторила эти слова с видом таким задумчивым, таким полным нежного беспокойства, с такой улыбкой, что М. снова почувствовал себя подавленным. Снова ревность, как порыв ветра, ворвалась в его сердце и подняла в нём ураган едва уснувших чувств. Он бросил на Элизабет пламенный взгляд, в котором отобразился весь ад, вошедший в его душу.

– А! – сказал он глухим голосом, – Артур Шотландский! Это имя чарует! Титул Кейна и диадема прекрасно бы подошли вашему челу. Вы умеете принимать величественный вид, когда того хотите!

– Снова! – ответила она с улыбкой такой нежной, такой убедительной, – неужели я никогда не смогу уничтожить ваши несправедливые подозрения?

– Несправедливые! Неужели? Но скажите, разве не должно у меня их быть, видя, как меняется ваше лицо при этом имени, которое я ненавижу, да ещё и с титулом короля?

– О, мой Бог! Если бы вы знали почему, вы бы так не думали. Представьте себе, что это из-за любви ко мне он поднял это восстание. Чтобы положить к моим ногам и свою корону, и своё

королевство, которое он пробудил от старой правовой спячки. О! он мне об этом сказал, когда был здесь в карауле...

– О! вы хитры и жестоки! Несчастье тому, кто хоть раз отдал вам своё сердце!

– 13 –

В одном из небольших лесов в окрестностях города Т. расположились палатки Исполнительного Бюро Генерального Штаба Короля Шотландии.

Широкий павильон с несколькими секциями возвышался над остальными. Он принадлежал Королю. У входа возвышалось большое знамя Шотландии в окружении караула.

В одной секции был виден более яркий свет, чем в остальных. Это была квартира Короля.

Внутренние стены палатки, изнутри оббитые богатыми персидскими коврами, были искусно задрапированы шёлковой тканью, формирующие что-то вроде штор, которые можно было поднимать, и которые скрывали ниши, причудливо образованные в облаках ткани. Одна из ниш была спальней Короля. Там находилась его походная кровать, всё тот же ворох соломы, накрытый пледом. Оружие находилось рядом.

В кабинете, который живо контрастировал с нишей, если бы она не была закрыта, прекрасный ковёр покрывал пол. Посередине стоял стол красного дерева, на котором лежали бумаги. Вдоль стен воцарился османский диван, достаточно мягкие табуреты были расставлены вокруг стола. Массивная серебряная лампа горела в центре, распространяя изысканный аромат благоухающего масла.

Лишь два человека занимали эту комнату. Они сидели перед маленьким столиком, инкрустированным перламутром, на котором стояли две богатые чашки, окруженные прозрачным паром чая. Один из двух мужчин курил. Это был Артур, он не мог оставить привычку, приобретённую на службе за границей.

Вторым был Дональд – вождь клана Дональд Р. де Б.

– Дорогой друг, – сказал Король, – оставим царскую помпезность. После дня, проведённого в напрасных церемониях, я наконец-то могу стать Артуром. О! если бы ты знал, чего мне это стоило! Я хотел бы быть королем только в дни сражений. Ах! Оставь сейчас государственные дела, достаточно того, что весь день им был посвящён. Я бы хотел с тобой поговорить о своей любви, поскольку

ты единственный хранитель моей тайны. Знаешь ли ты, что она должна была быть первой, кто узнал о моём восхождении на трон?

– Каким образом?

– Знаешь ли ты пленника, который несколько дней назад приходил в горы, чтобы убить меня – М.? Что же, он был там, когда вожди пришли, чтобы возложить на меня корону, он всё видел, всё слышал. Я ему даровал свободу при условии, что от этого ущелья он направится прямо к ней и всё ей расскажет.

Вошёл Уилли, помощник Рюи по лагерю.

– Сир! – сказал он, – сюда привели парламентария со стороны осаждённых. Я приказал его обезоружить, и он ожидает в приёмной павильона.

– Введите его. Дональд, ты останешься со мной.

Это был полковник Р. – помощник генерал-аншефа. Он вошёл, держа шляпу в руках.

– Добрый день или скорее вечер, полковник! – сказал Артур брезгливо. – Что вы нам скажите хорошего?

– Сир! – ответил гонец, кланяясь, – я пришёл предложить Вашему Величеству капитуляцию города Т., умоляя Вас отсрочить штурм, который назначен на завтра.

– А! уже известно о моём предложении выдворить вас силой! – Артур заставил себя кричать, чтобы поторопить нерешительность, в которой были голодные командиры противника, хотя он и не думал рисковать жизнью своих храбрецов. – Ну что же! Так и быть! Я согласен на капитуляцию, вы можете возвращаться с моим ответом.

– Сир! Мне поручено представить Вашему Величеству условия...

– Условия? Неужели ваш старик воображает себе, что он будет мне ставить условия? О! Извините, полковник! Скажите ему, что он говорит вздор. Условия! Чёрт побери! Это я их буду ставить. Подождите немного.

Он взял лист бумаги и достаточно долго писал.

– Вот, – сказал он, – что вы отнесёте вашим командующим. И скажите им, что я не изменю ни единой буквы. Спокойной ночи, полковник!

Помощник генерал-аншефа взял бумагу, отдал честь Королю и покинул квартиру.

– Уилли! Пусть его проведут в безопасности и со всеми почестями до ворот города.

– Дональд! Если бы ты знал этого человека! Это фаворит командующего Исполнительного Бюро, и что первый, что второй – хитрые мерзавцы. Этот даже доносчик. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

– 14 –

– Итак, полковник! Что вы принесли?

Таким был первый вопрос генерал-аншефа, когда парламентёр вошёл в комнату, где собрались все генералы.

– Ваша Светлость! Я принёс бумагу, данную мне Королём, в которой изложены условия!

– А мои?

– Он не захотел их выслушать. Он насмеялся над нами, он сказал, что нам не годится думать об условиях...

– Ох, этот король! Этот король одного дня! Это кустарник на тропе моей жизни! Но посмотрим, что он написал. Ваше превосходительство! Не будете ли вы столь любезны, зачитать нам это.

И он передал бумагу Главе Исполнительного Бюро, который прочёл следующее:

«Мы, с Божьей милостью и милостью Нашего Клеймора, – Артур Король Шотландии Горной и Равнинной генерал-аншефу Н. в осадном городе Т.

Мы имели удовольствие принять полковника Р. – помощника Вашей Светлости, в качестве парламентария и спешим вам сообщить, что готовы отложить штурм вашего города и принять вашу капитуляцию, если вы подчинитесь следующим условиям:

1-е. Вы передадите в Наши руки военный и укрепленный город Т. тайно, не смея прибегать к обману.

2-е. Ключи будут Нам переданы вне города его комендантом, а также командиром отряда уланов города Т. полковником М.

3-е. Ваши владения со всеми генералами, офицерами, начальниками (старшими офицерами) и подчинёнными (младшими офицерами) Мы примем у ворот города в парадной одежде, но без оружия и с непокрытой головой.

4-е. Все высокопоставленные лица, которые упомянуты ниже, окажут Нам почтение коленопреклонением при Нашем прохождении, признавая Нас Законным Сувереном Нашего Королевства, что же до остальных, Нас это мало смущает.

5-е. Остатки ваших войск будут военными пленниками и останутся в наших руках, равно как и ваша особа, а также все те, кто находится в городе Т.

6-е. Я исключаю из унизительной церемонии приёма храброго генерал-лейтенанта Г., командующего дивизией уланов, которого я слишком уважаю, чтобы принуждать к этому, однако вынужден удерживать пленником.

7-е. Нам выдадут штандарты, флаги и знамёна всего полка, равно как и георгиевские трубы.

8-е. Наш приём должен проходить под звуки труб и музыку полка.

9-е. Мы исключаем также полк уланов Б., который будет волен уйти из города в полном составе, со своим полковником и офицерами, с оружием и багажом, со своими штандартами, трубами и со всеми людьми, которым Мы обязаны воспоминанием Нашей службы в этом храбром полку. После чего он будет волен идти, куда ему угодно.

10-е. Когда Мы войдём в город, Глава Исполнительного Бюро – генерал-майор Л., который прикажет подготовить одну из лошадей императорской конюшни, подойдёт придержать Наше стремя, когда Мы будем подниматься для выполнения Нашего торжественного входа.

На этих условиях Я пощажу город, в противном случае завтра Я возьму его штурмом и проткну шпагой гарнизон, жителей и всех сановников.

Артур генерал-аншефу и командующему корпусом Н.»

Бледный как смерть старик слушал это чтение, наконец, кожа его почтенного лица стала приобретать цвет крови, которая ещё оставалась в его венах и ударила ему в голову, он хотел что-то сказать, но смог выдать только стон и упал навзничь.

Все бросились ему на помощь. Элизабет, которая слышала всё, о чём шла речь в соседней комнате, поспешила в зал и, плача, упала к ногам своего отца. Несчастный старик не смог вынести такого унижения.

Его хотели перенести в его комнату, но он этому воспротивился и попросил привести полковника П., командующего полком Б.

Вскоре прибыл П.

– Прочтите это, полковник, – сказал старик, – а затем вы мне будете нужны.

– Ваше Высочество! – сказал П., пробежав бумагу глазами, в которых смешалась радость и плохо скрываемая гордость, – я вижу условия короля, и я готов выполнить всё, что вы мне прикажете.

– Полковник! Идите и найдите этого беспощадного короля. По его мнению, вы лучший из кого бы то ни было, я возлагаю на вас ответственность за то, как он с вами обращается в этой бумаге, и потом, вы были его начальником, возможно, вы сможете произвести на него какое-то впечатление. Умоляйте его, да, умоляйте, полковник! так как теперь мольба – это всё, что нам остаётся. Заклинайте его пощадить русскую армию, в которой он имел честь служить, от позора унижения, которого она ещё никогда не знала. Идите! И да помогут вам небеса вынести гордость этого жестокого человека!

П. отдал честь и вышел, но в прихожей его остановила Элизабет и вручила запечатанное письмо, со словами: «Королю Шотландии».

– Возьмите это, полковник, – сказала она ему, – это талисман, который поможет вам заклинать гордость Короля. Передайте его только ему самому.

И она исчезла как сон.

– 15 –

Артур собирался идти спать, когда Дональд, который уже вернулся в своё отделение, вошёл к королю и сказал, что прибыл второй парламентёр и просит, чтобы его ввели сию же минуту.

– Пусть войдёт, – сказал Артур, – я всегда на виду для тех, у кого ко мне есть дело.

П. вошёл.

– Вот уж визит, которого я не ожидал! – вскрикнул Король, подбегая к нему, – о! мой полковник! Вы наконец-то пришли проведать вашего бывшего подчинённого и, я надеюсь, друга. Вы мне действительно доставили удовольствие, за которое я не смогу вас отблагодарить. Присаживайтесь, мой дорогой начальник, – продолжал он, усаживаясь на диван и указывая П. на место возле себя, – поговорим как старые знакомые. Я надеюсь, вы в полном здравии и с вами ничего страшного не случилось?

– Сир! – ответил П., немного сконфуженный приветливостью, с которой он был принят, и которой он никак не ожидал, – дело, которое привело меня к Вашему Величеству, очень тягостное! Я пришёл, сир! умолять о Вашем милосердии...

– О моём милосердии? Что же, я понимаю, что это значит! Эти господа, которые попали в осаду, не желают отступать. Ну что же, им придётся покориться клеймору, когда завтра я захвачу город штурмом.

– Но сир! Унижение слишком велико, мы итак в жалком положении!

– Нет, дорогой полковник! Это касается всех без исключения, и вас и вашего полка, и даже генерала Г., к которому я отношусь с любовью и уважением. Неужели вы не читали моих условий?

– Да, сир! И я благодарен, что Вы не забыли о ваших товарищах, а также о начальниках, которые были добры к Вам. Но другие...

– Больше ни слова, полковник! Больше ни слова! Другие должны будут подчиниться, в противном случае завтра они перестанут существовать. Я знаю, что город больше не может держаться, и я вам обещаю, что прикажу их всех уничтожить.

– Ну что же, сир! Коль скоро Вы остаётесь глухи к моим мольбам, держите вот это. Мне поручили передать лично Вам в руки. – Он передал письмо Элизабет.

Артур взял его с удивленным видом, повертел со всех сторон и, наконец, сорвал печать. На листе было написано следующее: «Король Шотландии, если у Вас есть хоть капля жалости к бедной девушке в отчаянье, сжальтесь над сединой моего отца, избавив от стыда, на который Вы его обрекаете. Поступив так, Вы навсегда останетесь в сердце Элизабет».

Все чувства разом отобразились огненными буквами на лице Короля, ставшем вдруг суровым. Он несколько раз перечитал письмо – такое дорогое, которое ему столько обещало, так как любовь самонадеянна, она подпитывается малейшими вещами, которые безразличный человек даже не заметит. Эти слова: «Вы будете бессмертны в сердце Элизабет!» – открыли ему весь рай.

– Полковник, – сказал он, – я внял вашим мольбам. Я пощажу старика от унижения, которое слишком сильно для него. Он его не заслужил. Я изменю это условие.

– Сир, – ответил П., – Ваше Величество так добры. Бог отблагодарит Вас за Ваше милосердие. Завершите Ваше деяние, сир, простите другим...

– Другой? Никогда! Все поедут, кроме тех, кого я исключил! Дело военной чести! Слышите, полковник! Больше ни слова!

Он что-то написал, затем встал и прочитал:

«Из соображений уважения к возрасту и заслугам генерал-аншефа Н. Мы исключаем его из церемонии Нашего въезда, и Мы просим его считать себя под домашним арестом, так как Мы считываем на честь Его превосходительства. Все остальные условия должны быть точно соблюдены или завтра Я объявлю штурм.

Артур»

– Держите это, полковник! – добавил он, – и отнесите вашим начальникам. Скажите старику, что это только в знак уважения к его возрасту я делаю это исключение.

– Я благодарю Ваше Величество от его имени. Я могу идти? Меня ожидают, чтобы узнать результаты моей миссии.

– Прощайте, полковник! Вспоминайте иногда о вашем бывшем подчинённом. Что же до остальных, я вам ручаюсь, что они об этом не забудут. Я ещё надеюсь, что буду иметь удовольствие увидеть вас у меня в Т. Прощайте!

– 16 –

Было десять часов утра. Прекрасное сентябрьское солнце светило над лугами, желтеющей листвой леса, тёмными горами и открытыми воротами военного города Т.

Несметная толпа спешила по ковру к заставе и воротам.

Полковник М., комендант города, при параде, но безоружный, держался на некотором расстоянии перед воротами, грустный и молчаливый. В руках он держал ключи от города.

Немного ближе начиналось кольцо, которое образовывали два ряда сановников – генералы впереди. Они были все при параде, безоружны, шляпы в руках.

Чуть поодаль, внутри города, от ворот и почти до бульвара также было два ряда солдат, одетых таким же образом, с трубами и своими развёрнутыми знамёнами. Возле ворот шталмейстер держал под уздцы лошадь, покрытую богатой попоной.

– Ваше превосходительство никогда не думали, что наступит такой день, как сегодня, – сказал один из командующих отрядом Главе Исполнительного Бюро, – кто бы мог предположить, что этот молодой человек...

– О! не говорите об этом, Ваше превосходительство, этот фатальный человек, этот негодяй, как камень преткновения для меня! Меня! Меня, кто был полностью в духе Императора <...>, я доведён до такого унижения! О! вы не можете понять, как должны ненавидеть этого короля, он – король! Он, который осмелился дерзить мне, который пообещал мне то, что он так хорошо выполняет сегодня и всё это. Когда он был простым офицером, сгорбленным под моими приказами. Это просто ужасно!

– Умерьте вашу ярость, Ваше превосходительство, вот едут победители, они не были бы так добры к нам, если бы услышали, что вы говорите.

– Не бойтесь ничего, Ваше превосходительство, я не стану понижать голос до шёпота перед этими мятежниками. Я сумею сдерживать свои чувства.

Он был хитёр, он умел придать другой оборот чувству, достаточно естественному, которое, к несчастью, не являлось редким. В остальном он был в порядке, поскольку горцы не любили эти выходы, уже тягостные. Дула их ружей, лезвия их клейморов успокоили благородного собеседника.

Генерал отряда не ошибся. Вскоре у ворот города показались кланы. Клан Дональда Р. де Б. был первым, во главе его шёл Артур, следом за которым несли Королевское Знамя Шотландии.

Генерал опустился на одно колено и вручил ключи от города королю, который, не удостоив его даже взглядом, сделал знак своему помощнику лагеря взять их и продолжил своё шествие медленным и величественным шагом.

Король, ни на кого не обращая внимания, прошёл через ворота и остановился. Глава Исполнительного Бюро, который следовал за ним, подошёл взять поводья лошади, которую даровал первый шталмейстер.

Артур легко спрыгнул на песок, и как будто для того, чтобы опробовать лошадь, грациозно сделал несколько кругов галопом, затем пустил своего скакуна шагом и продолжил свой ход между рядами коленопреклонённых солдат.

При его проходе флаги опускались, а трубы играли военный туш.

– Пусть следуют за мной! – сказал он Уолли, который передал этот приказ дальше, и все побеждённые следовали за ним по мере того, как он продвигался. У всей церемонии был вид старых триумфов, и здесь триумфатор медленно вёл за собой своих пленников.

Таким образом Артур пересёк почти весь город и прибыл, наконец, на большую площадь перед бульваром. Там был выстроен полк Б., при параде, на лошадях, со своими штандартами и при полном вооружении.

Короля поприветствовали фанфарами, и полк начал проходить колонной перед ним, чтобы выйти из города. Полковник выполнил половину оборота галопом и расположился возле Артура, чтобы смотреть, как проходит его полк.

Король поприветствовал каждого офицера, все они были его товарищами, он смягчился, и слёзы выступили у него на глазах.

– Полковник, – сказал он, когда прошёл последний эскадрон, – езжайте, куда вам заблагорассудится, я даже не хочу думать о том,

чтобы вас обязать присоединиться ко мне. Это было бы предательство, а я его ненавижу. Езжайте туда, куда призывает вас долг. Я знаю, что вы ещё будете выступать против меня. Это ваш долг. Прощайте! Будьте счастливы!

И полк Б. исчез.

Король прошёл к дому, который был ему предназначен – дом для приёма Императора <...>, когда он приезжал на смотр, рядом с домом генерал-аншефа. Туда были принесены флаги победённых. Пленников закрыли в Исполнительном Бюро. Знатные особы оставались в своих домах под охраной.

Часть шотландской армии расположилась в городе, а часть в окрестностях. Во всех местах, представляющих опасность, было расставлено множество часовых. Отряды наблюдения заняли дороги.

– 17 –

Король Шотландии дал большой бал, на который был приглашён весь город. Вот уже две недели, как он стал хозяином города, но почти там не был, потому что после его триумфального входа российский армейский корпус, который был послан на помощь корпусу Н., но запаздывал, прибыл к городу.

Артур со своими отрядами выехал ему навстречу и полностью разгромил. Однако он всё ещё располагался лагерем для того, чтобы разогнать остатки.

В течение этого времени два подразделения, разъединённых, но достаточно значительных, объединились и продвигались вперёд. Однако их тоже постигла участь предшественников. Всё это задержало короля за городом. Но теперь, когда он знал, что находится далеко от любого врага, он вернулся в город и хотел снять всю усталость этой тяжёлой войны.

На этом празднике произошло важное событие: король выпустил пленников-дворян и держал их под честное слово.

Всё происходило в том же зале, где когда-то проходили заседания, на которых собирались все самые почётные жители города Т.

Диких горцев очень удивил вид всей этой красоты, изящных украшений. Российская униформа казалась им восхитительной, так как до того момента они её видели только в схватке.

Дональд приблизился к Королю.

– О! как она прекрасна! – сказал он осторожно.

– Кто? – спросил Король.

– Будущая королева – мадмуазель Элизабет.

– О! мой добрый Дональд, я тебе об этом говорил! Полагаю, что вкус у Артура всегда был неплохим!

По правде говоря, она была блистательно красива, молода, изящна – эта соблазнительная Элизабет. Артур не мог этому противиться. Он должен появиться перед ней тем, кем он однажды обещал ей стать.

– Буду ли я иметь счастье, мадмуазель, – сказал он приближаясь, – осуществить ваше желание настолько хорошо, как я того хотел?

– О! Сир! Может ли бедная девушка выказать свидетельства своей признательности Королю? Я не осмеливаюсь говорить с Вашим Величеством, судить о своих чувствах.

– Я не надеялся на такой приём после моего отсутствия, когда столько всего произошло. Я полагал, что мадмуазель не захочет огорчить старого знакомого этим титулом «величество», который исходит из уст только тех, кто раньше устраивал праздник, чтобы унижить меня.

– О! Сир! Отношения изменились, и Король Шотландии больше не тот лейтенант уланов!

– Я не могу сейчас говорить с вами об этих отношениях, мадмуазель, мне многое вам нужно сказать, и если бы вы захотели оказать мне честь найти вас через два часа в беседке сада, вы бы освободили моё сердце от тяжёлого груза. Могу ли я рассчитывать на вашу доброту? Подумайте о том, что речь идёт о самой важной вещи для меня и для всей Шотландии.

– Сир! Ваше желание – закон для той, у которой так редко бывали доказательства вашей деликатности, вашего благородства и вашей лояльности!

Вскоре уланы сели за многочисленные столы, которые были приготовлены. Элизабет сделала вид, что занята и ушла к себе до вечера.

Король как хозяин и владелец дома не сел за стол, а с самого начала вступил в приятную и любезную часть разговора со своими самыми близкими друзьями. К середине банкета он извинился и побежал в сад, его сердце сильно билось. Уже стемнело.

Быстрее серны бежал Артур к беседке. Элизабет его уже там ждала.

– Сир! – сказала она, вставая, – что прикажете, Ваше Величество? – но сказала она это гордым тоном.

– Снова! Во имя Бога, чтобы я больше не слышал из ваших уст этого «величества», которое причиняет мне боль! Почему вы меня

не называете как раньше? Неужели я в ваших глазах так изменился?

– О! Сир! Конечно, Вы очень изменились! При тех обстоятельствах, о которых Вы так любезно вспомнили, я разговаривала с особенным человеком, со знакомым, с подчинённым офицером моего отца, я могла ему сказать всё, что приходило мне в голову, не боясь последствий, но теперь я должна взвешивать каждое своё слово, поскольку оно адресовано Королю, победителю! Сир! Простите за мою откровенность!

– Боже Милостивый! Ей доставляет удовольствие обо всём мне лгать! Она меня упрекает в титуле короля, в этой славе... а для кого, по чьему приказу я стал тем, кого вы, делаете вид, что ненавидите!

– Сир! Тогда я и не думала, что Вы воспримите мои слова так буквально...

– А! вы не думали! И вы забыли о вашей обещании? Не вы ли мне сказали, что отвечаете лично?.. Сейчас время пришло! Послушайте меня! Я раскрою вам тайну, которую я думал, что понял тогда о вас. Вы не забыли того времени, когда я, будучи лейтенантом, нес здесь караул. Во время этого караула я был счастлив, спокоен. Но тогда появились вы – прекрасная, блестящая – такая, какой я вас вижу! Я вас обожал, а кто бы этого не сделал на моём месте?! Один взгляд, одно слово из ваших уст было всем для меня! Да! Я осмеливался поднять на вас глаза, несмотря на огромную дистанцию! Я осмеливался вас любить, я даже осмеливался надеяться, я говорил с вами о любви, и вы меня ободрили – после этого для меня уже не существовало ничего невозможного! Сейчас больше нет дистанции! Вспомните своё обещание! Ответьте мне: вы хотите стать Королевой Шотландии?

– О! Сир! Что Вы сказали?

– То, что вы уже давно знаете.

– О! нет! Я Вас заверяю, я об этом не знала! Я никогда не могла поверить, что Король Шотландии снизойдёт до меня в своих мыслях.

– Не Король Шотландии, а лейтенант уланов! Это он вам дарит трон!

– Сир! Вы меня огорчаете...

– Дорогая Элизабет! Я вас обожаю! Идёте ли вы, моя Королева! Поднимемся вместе на трон, который я завоевал с таким трудом!

– Нет! Нет! Никогда!..

Артур, который начал верить в свершившееся счастье, изумлённо замер.

– Как? Почему никогда? Вы мне лично ответили согласием, и речь шла о вас, вы это знали!..

– О нет! Сир! Я этого не знала! Я бы никогда не сказала... я полагала, что Вы шутите... выполнение казалось таким маловероятным, таким невозможным. И потом, я верила в другого человека...

– О! она меня не любит!.. она меня никогда не любила!.. Объяснитесь, ради Бога! Почему этот отказ? этот отказ от Короны?..

– Сир! Я русская!

– О! Национальная гордость!..

– Нет! Это не гордость! Это долг! Вы враг моей родины, её победитель! Вы её захлестнули кровью, убили её храбрецов! Я не хочу быть предательницей, предательницей Бога, моих воспоминаний, моего старого отца! Нет, сир! Я никогда не оскверню трон Шотландии, позволив на него подняться женщине, которую Ваши подданные не смогут уважать!

– Этот патриотизм! Ох, как же я несчастен!.. Элизабет! Если в этом кроется единственная причина, если вы меня только любите – о! тогда я силой сделаю вас королевой!

– Пощадите, сеньор! Пощадите! Простите меня – я люблю!..

– Кого?

– Нет! Я не хочу называть его имя!

– Я вам приказываю, как Король и как ваш Властелин! Говорите!

– М.!

– Смерть и проклятье! Я в этом сомневался! И значит таким вот образом, кокетничая со мной, когда вы не видели в этом опасности, вы мне отплатили этой войной! О! пусть вся пролитая кровь падёт на вашу голову! Мне нужна месть!..

– Сир! Я готова умереть, если такова добрая воля Вашего Величества!

– Умереть... умереть! Кто? Она? Для моей доброй воли! О! проклятая! Я тебя обожаю! Нет! Это М. умрёт!

– Пощады, пощады! О! скорее мне! Тысячу раз мне! Сир! Пусть сразу умру я, но избавь его!

– Нет. Я не могу этому противиться! Элизабет! Я вас обожаю в своём несчастье – я его прощаю! Элизабет, вы бросили яд в мою жизнь, такой прекрасный, такой сверкающий! Я вас прощаю тоже! Прощайте!

И он, широко шагая, вышел из беседки.

– 18 –

Какие большие изменения произошли! Через несколько дней Артур отрёкся от престола и исчез. На трон взошёл Дональд.

Победы нового короля дополнили дело его предшественника. Вскоре крепкий мир завершил ужасы этой войны. Россия признала независимость Шотландии, и её границей стали ворота города Т., губернатором которого остался старый генерал-аншеф Н.. Элизабет вышла замуж за М., который был отмечен и получил повышение в звании.

Но что же произошло с Артуром? О! он умер, как и жил! После отречения от трона он уехал в столицу России и сдался в плен Императору.

Он был расстрелян.

Но Шотландия была свободна!

* * *

Мой сон закончился.

Какие своеобразные сопоставления происходят во сне! Для него объединить страны, нации, которые никогда не могут взаимодействовать – это ничто! В одну ночь он перевернул весь географический и хронологический порядок мира. Мой сон сделал всё это, и всё же он был грустным и оставил на мне тяжёлый отпечаток.

Да хранит нас Господь от плохих снов!